

Татьяна Мальчукова
(Петрозаводск)

ВОЗВРАЩАЯСЬ К С. Л. ФРАНКУ...

Инициатива Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта вернуться к обсуждению важной статьи С. Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» представляется весьма своевременной. Мировоззрение Пушкина рассматривается здесь по отношению к идеям свободы и монархии, при этом, как новаторски пишет автор, «он усматривает — вопреки всем партийным шаблонам и ходячим воззрениям — средство демократического радикализма с цезаристским абсолютизмом. Если в политической мысли XIX века (и, в общем, вплоть до нашего времени) господствовали два комплекса признаков: "монархия — сословное государство — деспотизм" и "демократия — равенство — свобода", которые противостояли (и противостоят) друг другу как "правое" и "левое" мирозерцание, то Пушкин отвергает эту господствующую схему... и заменяет ее совсем иной группировкой признаков. "Монархия — сословное государство — свобода — консерватизм" выступает у него как единство, стоящее в резкой противоположности к комплексу "демократия — радикализм ("якобинство") — цезаристский деспотизм"» [5, с. 75]. Несмотря на широкую известность статьи (она публиковалась, помимо первоиздания в 1937 году, в антологии «Пушкин в философской критике» (М., 1990), в составе авторского сборника «Этюды о Пушкине» трижды за границей и дважды в России в 1998–1999 годах), составители антологии пушкинских оценок «А. С. Пушкин: Pro et contra» (СПб., 2000. Т. 1–2) ее не включили (вместо нее помещена другая статья С. Л. Франка «Религиозность Пушкина»), но, следуя интенции представить «демократический» плюрализм мнений, ввели в сборник раз-

вязные писания А. Терца и Б.М. Парамонова «Пушкин — наше ничто» и показательно завершили его статьей С. Г. Бочарова, пытающегося представить поэта сторонником «разбойно-пожарно-революционных мотивов» в русской литературе. Мне уже приходилось писать на эту тему и цитировать вышеприведенные новаторские замечания С.Л. Франка в статье «Пушкин как национальный и политический мыслитель» [6, с. 277], но сейчас, видимо, придется вернуться к ее первоизданию и заново осмыслить проблему.

Впервые работа С.Л. Франка была опубликована в юбилейный пушкинский год в Белграде. На ее обложке кроме имени автора и названия указана и общая серия: «Правда и свобода. Первая серия: Вопросы истории и культуры. №1». Издание было задумано П. Струве, который снабдил книгу Франка своим предисловием и дополнениями. Предисловие П. Струве заканчивалось цитатой из его статьи «Именем Пушкина» в парижской газете «Возрождение» (1926. №370. 7 июня): «Эпоха русского Возрождения, духовного, социального и государственного, должна начаться под знаком Петра Великого, просветленного художническим гением его великого певца Пушкина» [4, с. 198]. Рекомендую читателю «сжатый», «выпуклый» и «проникновенный» очерк Франка о политическом созревании поэта и его умственной зрелости, Струве представляет сочетание идеала свободы и империи у Пушкина как данность, признаваемую всеми объективными исследователями. Он приводит определение Пушкина у Вяземского — «либеральный консерватор» и дополняет библиографию книги специальной статьей «элементарного радикала» В.В. Водовозова «Политические и общественные взгляды Пушкина в последний период его жизни» в венгерском издании поэта (*Пушкин А.С. Собр. соч.* СПб., 1915. Т. 6). Говоря далее об отношениях Пушкина и царя Николая, сознавая их сложность и различие potentатов культуры и власти, П. Струве намечает и общую их платформу, сознание «обязанностей служения России: «Они оба любили Россию и ценили ее исторический образ» [Там же, с. 197].

Описанный номер оказался единственным в предполагаемом издании. Продолжения оно не имело. Тем более велико его значение. Книга утвердила за Франком представление как о знатоке и ценителе поэзии Пушкина: он продолжил пушкинскую тему и в последующих статьях будущих «Этюдов», которые до сих пор переиздаются как непревзойденные опыты его толкований. Но книга имела и местное, временное значение. Потеряв Россию, первая русская диаспора ее жителей ухватилась за образ национального поэта, который свободно и совершенно изобразил ее, себя, нас и весь мир с высшими достиже-

ями его культуры с русской точки зрения. Вырисовывалась новая перспективная задача — восстановление России во всей ее государственной целостности и во всем сложном единстве ее противоречивой и многосложной культуры.

Позволю себе несколько уточнить предложенную Франком датировку окончательного поворота Пушкина «к трезвому консерватизму» и признанию ценности самодержавной монархии в России. Франк датирует его началом 1826 года. Кажется, эту датировку следовало бы передвинуть на начало 1825 года. В это время Пушкин работал над драмой «Борис Годунов», в феврале — марте было написано стихотворение «Андре Шенье», а в октябре 1825 года стихотворение «19 октября» с прощением Александру, правда, пропущенному при первой публикации (1828 год):

Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей [3, с. 247].

Самым острым из написанного в это время Пушкиным было стихотворение «Андре Шенье» о судьбе певца Французской революции и ее жертвы. При цензуровании текста 44 его стиха были исключены (цензурное разрешение рукописи «Стихотворения Пушкина» датируется 8 октября 1825 года) и затем ходили в рукописи с надписью «На 14 декабря». Пушкин четырежды давал объяснения по их поводу в следственной комиссии. Стихи говорят о Французской революции, изображают ее правдиво в противоположности законной и незаконной революционной власти, в контрасте «царя» и «убийцы с палачами», здесь Пушкин упоминает дату гильотирования Людовика XVI — «въ 1793» и «Робеспьера и конвентъ» [Там же, с. 380]. Поскольку имена французских революционеров до сих пор украшают наши улицы и площади («набережная Робеспьера», «улица Марата»), было бы полезно, если бы современные ответственные лица знали эти антиреволюционные стихи Пушкина и отдавали себе отчет в своих действиях. Заметим в заключение, что осуждая терроризм, Пушкин и его Шенье не отказываются от идеи свободы, которая сохраняет всю свою ценность в их глазах:

<...> Закон
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: *Блаженство!*
О горе! о безумный сон!

Где вольность и закон? Над нами
Единый властвует топор.
Мы свергнули царей. Убийцу с палачами
Избрали мы в цари. О ужас! о позор!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая, нет, — не виновна ты,
В порывах буйной слепоты,
В презренном бешенстве народа,
Сокрылась ты от нас; целебный твой сосуд
Завешен пеленой кровавой;
Но ты придешь опять со мщением и славой, —
И вновь твои враги падут... [2, с. 353]

Экссессы и относительность свободы Пушкин будет обдумывать и впоследствии в полемическом по отношению к Радищеву сочинении «Путешествие из Москвы в Петербург». Но ценность идеала свободы Пушкин как дух живой и растущий сохранит до конца своей жизни и упомянет о ней в итоговом «Памятнике» наряду с христианской «милостью к падшим»:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал [Там же, с. 424].

Список литературы

1. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 19 т. М, 1997. Т. 17 : Рукою Пушкина.
2. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 19 т. М., 1994. Т. 2.
3. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1977–1979. Т. 2 : Комментарий Б. В. Томашевского.
4. *Струве П.* <О политических взглядах Пушкина> // «В краю чужом...» Зарубежная поэзия и Пушкин / сост., вступ. ст., коммент. М. Д. Филина. М., 1998.
5. *Франк С. Л.* Этюды о Пушкине. М., 1999.
6. *Мальчукова Т. Г.* Пушкин как национальный и политический мыслитель // Духовный труженик. А. С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999. С. 262–293.